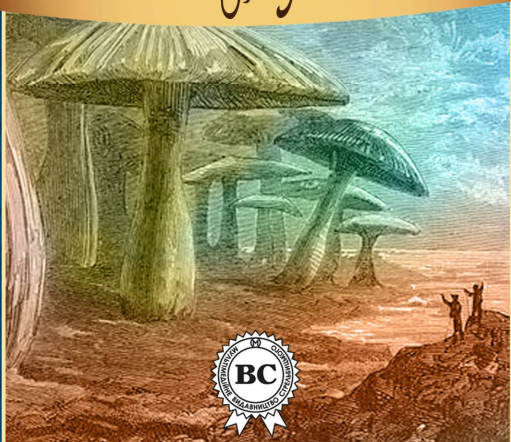

Жюль Верн
ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЦЕНТРУ
ЗЕМЛИ

Фантастический роман-приключение «Путешествие к центру Земли» — это поистине удивительная книга выдающегося французского фантаста Жюль Верна.

Профессор минералогии Линденброк решает на головокружительную авантюру: он вместе с преданной командой отправляется к самому центру Земли через глубины исландского вулкана Снайфельдс. Он верит, что недра нашей планеты скрывают неизведанный мир, полный опасностей и великих открытий.

Это уникальное издание легендарного романа в дореволюционном переводе, выполненном талантливой писательницей Марко Вовчок, которая была лично знакома с Жюлем Верном.

Жюль Верн

Путешествие к центру Земли

I

24 марта 1863, в воскресенье, дядюшка мой, профессор Лиденброк вернулся домой раньше узаконенного часа и стремительно ринулся в двери.

Обед был еще не готов, и это несвоевременное возвращение несказанно смутило нашу кухарку Марту.

— Ну! — подумал я, если дядюшка проголодался, так теперь подымет такой крик, что хоть святых вон понеси!

Дядюшка мой был пренетерпеливый человек.

Марта приотворила дверь в столовую и, тоскливо глядя на меня, с волнением вскрикнула:

— Г. Лиденброк уж воротился? Господи! Что это значит? Верны ли наши часы? Вы видели, г. Аксель, он уж пришел!

— Да, Марта, уж пришел, — отвечал я. — У вас обед еще не готов? Что ж, это резонно: ведь еще нет двух часов. На Сен-Мишельской колокольне только что пробило половина второго.

— Так отчего же это г. Лиденброк воротился так рано?

— Не знаю, но вероятно он это нам объяснит.

— Вот он! Ну, я поскорей убегу. Вы, г. Аксель, пожалуйста урезоньте его, если он подымет бурю... Ишь, как несется по лестнице! Я убегу... Вы урезоньте его, г. Аксель, пожалуйста...

И Марта поспешно скрылась в свое кухонное святилище.

Я остался один в столовой.

Надо признаться, что я вообще характера очень смиренного и «урезонивать» строптивого дядюшку не представляю для меня особого удовольствия. Я подумывал, нельзя ли мне как-нибудь прооркнуть в свою коморку, на чердак, но, пока я собирался, лестница закрипела под тяжелыми торопливыми шагами, — хозяин дома появился, быстро прошел через столовую, сбросил с себя широкополую шляпу, кинул трость в угол и, исчезая в своем рабочем кабинете, крикнул мне:

— Аксель! иди-ка сюда!

Я еще не успел и пошевелиться, как уж из кабинета грянуло:

— Аксель! Да что ж ты? где ты там запропастился?

Я поспешил в кабинет нетерпеливого дядюшки.

Профессор Отто Лиденброк был человек не строгий и не злой, но сумасброд и чужак каких мало.

Он страстно любил науку и отличался непомерным упрямством. Уж если он раз что-нибудь забирал себе в голову — так конец: никакие убеждения, никакие доводы не действовали.

Ему, по пословице, хоть кол на голове теши, а он все свое.

Любовь к науке была у него, как я сказал, самая страстная, но в то же время самая эгоистичная. Он читал свои лекции с увлечением и в то же время ни мало не заботился ни о развитии своих слушателей, ни о том — приносит ли эти лекции им пользу, — он читал, если смею так выразиться, для самоуслаждения.

В Германии до сей поры еще водятся «кладези науки», из которых чрезвычайно трудно зачерпывается каждая капля знания.

Как бы то ни было, дядюшка был настоящий ученый. Он был отличнейший минералог и геолог. Посмотрели бы вы на него, когда он являлся с своим молотком, стальной иглой, магнитною стрелкой, паяльной трубкой, сосудом с азотной кислотой! — По излому, виду, твердости, способности плавиться, по звуку, запаху, по вкусу какого-нибудь минерала, он живо классировал его между шестьюстами родов минералов, известных в настоящее время в науке.

Имя профессора Лиденброка было всем известно. Его посещали, проездом через Гамбург, и Гемфри Деви, и Гумбольдт, и капитаны Франклин и Сабин. Беккерель Эбельман, Брюстер, Дюма, Мильн Эдвардс, Сент-Клер Девиль часто совещались с ним по самым животрепещущим вопросам химии.

Представьте себе человека высокого, как шест, сухого, как копченая треска, здорового и крепкого, как железо. Ему было лет под пятьдесят, но белокурые волосы так его молодили, что никто бы не дал ему больше сорока. Огромные, круглые, голубые глаза живо бегали под громадными очками, а длинный, тонкий нос походил на отточенное лезвие; ходил он быстро, со сжатыми скулами (что служит, говорят, признаком буйного характера), а в ходьбе был неутомим; шаги у него были такие гигантские, что он мог всякого своего спутника привести в отчаяние.

Он жил в своем собственном маленьком домике на Королевской улице; окна выходили на один из тех кривых каналов, что пересекаются в самом старинном квартале Гамбурга, уцелевшем от страшного пожара 1842 года.

Домик был старенок, но еще держался хорошо. Громаднейший вяз, совершенно вросший в фасад

зданица, служил ему, я полагаю, главною подпорюю. Весной свежие почки этого вяза так и лезли в окна.

Кроме дядюшки в этом домике жили его крестница, семнадцатилетняя девушка, по имени Гретхен, пожилая, добрейшая кухарка Марта и я.

В качестве племянника и сироты я сделался помощником г. профессора во всех его опытах и скоро так пристрастился к геологии, что все почти время возился с минералами.

Вообще говоря, в профессорском ветхом домике жилось хорошо. Хозяин, правда, был взбалмошен, вспыльчив, криклив, но он по-своему любил меня.

Итак, я поспешил в кабинет на громогласный зов дядюшки.

II

Дядюшкин кабинет был настоящий музей. Все образцы минерального царства расположены были здесь с приличными надписями, в отличнейшем порядке.

Как близко мне были знакомы все эти представители минерального царства! сколько раз я чистил и обметал все эти графиты, лигниты, антрациты, различные породы каменного угля и торфа! как бережно сдувал я пыль с этих горных и древесных смол, с этих органических солей, с этих металлов, начиная, с железа и кончая золотом и со всех этих камней, которых бы наверно хватило на постройку нового домика!

Входя в кабинет, я, впрочем, думал не о вышеупомянутых чудесах, а о дядюшке.

Он уже сидел в своем старом широком кресле, с глубочайшим вниманием просматривал какую-то книгу и беспрестанно восклицал:

— Что за книга! что за книга!

Спешу прибавить, что дядюшка, в досужее время, был и библиоманом, но в его глазах только та книга имела значение и цену, которой или нигде нельзя было найти, или над которой можно было потерять зрение.

— Что ж, Аксель, или ты не видишь? — вскрикнул он при моем появлении. — Да ведь это неоцененное сокровище! Это... я нашел этот экземпляр в жидовской лавочке, у Гевелиуса!

— Великолепный экземпляр! — сказал я, стараясь тоже прийти в восторг.

Но мне трудненько показалось восторгаться старой, пожелтевшей книжонкой, в кожаном вылинявшем переплете.

— Да ты погляди-ка! — восклицал дядюшка. — Погляди, каков переплет! Ведь ей семьсот лет!

— А как называется это сочинение? — спросил я.

— Это сочинение? — повторил дядюшка с каким-то диким визгом. — Это Heims-Kringla Сноппа Турлетона, знаменитого исландского ученого и поэта двенадцатого века! Это хроника норвежских князей, которые царствовали в Исландии!

— Неужто? и это перевод на немецкий язык?

— Перевод! — презрительно повторил дядюшка. — Очень нужны мне переводы! Это оригинальное сочинение, на исландском языке! Слышишь, на великолепнейшем, богатейшем исландском языке!

— А! Ну, а шрифт хорош?

— Шрифт? Ах, несчастный молодой человек! Я разве говорил тебе о шрифте? Так ты воображаешь, что это напечатано? О, неужда! О, злополучный! Это манускрипт, рунический манускрипт!

— Рунический?

— Да, да, рунический! Ты знаешь ли, что такое руны, а? Рунами называются буквы, которые в древности употреблялись в Исландии! Они, эти руны, по преданию, изобретены самим Одним! Слышишь? Самим Одним! Слышишь? Их изобрел Один! Да смотри же! удивляйся же! благоговей же! наслаждайся же!

Я старался исполнить в угоду дядюшке все приказанное, как вдруг из рунического манускрипта выпал какой-то грязный документ.

Дядюшка неистово на него кинулся.

— Что это такое? Что это такое? — воскликнул он.

Он бережно разложил и расправил на столе небольшой лоскут пергамента, испещренный какими-то странными знаками.

Может статься, кто-нибудь полюбопытствует знать, что это были за знаки и потому я их здесь изображу.

Дядюшка поглядел несколько минут на письмена, потом приподнял очки на лоб и проговорил:

— Это руны! Эти знаки... Да, ни дать ни взять, как в манускрипте Снорра Турлетиона! Но... чтобы это значило?

Дядюшка волновался все более и более.

— Однако, это древний исландский язык... бормотал он: Древний исландский... Да!

Дядюшка еще известен был, как полиглот. Разумеется, он не говорил бегло на всех двух тысячах языках и четырех тысячах наречиях, которые употребляются на земном шаре, но многие из них знал хорошо.

Он не только с волнением, но уже с раздражением и гневом повторял несколько раз:

— Это руны! Это руны — руны — руны!..

В эту самую минуту часы пробили два.

Только что бой затих, Марта распахнула двери и доложила:

— Суп подан!

— Черт поberi суп, и ту, которая его варила, и тех, кто будет его есть! — с бешенством крикнул дядюшка.

Марта ударилась бежать. Я тоже следом за нею выюркнул из кабинета и, сам хорошенько не знаю как, очутился на своем обычном месте за обеденным столом.

Я ждал несколько минут. Дядюшка не являлся.

— Что ж еще ждать? или начать без него?

Задав себе раз двадцать этот трудный вопрос, я наконец решился и принялся за обед.

— Никогда еще этого не бывало! Никогда! — говорила Марта, покачивая головою.

— Чего не бывало, Марта?

— Как же это, обед подан, а г. Лиденброк думать про него забыл!

— Да, это что-то странно!

— Ну, вы попомните мое слово, г. Аксель: это не к добру! Уж что-нибудь да будет!

— Будет, пожалуй, изрядная мне баня, когда дядюшка вспомнит про обед и увидит, что обед съеден. Ну что ж! семь бед, один ответ: надо, по крайней мере, досыта напитать свою душу!

— Ох, не шутите, г. Аксель...

Вдруг раздался голос дядюшки. Я вскочил и в один прыжок очутился вновь в кабинете.

III

— Это руны! — говорил дядюшка: — это все непременно руны! Но тут есть тайна... Да, тайна! Я эту тайну открою... Да, или я ее открою, или...

Энергический жест закончил фразу.

— Садись к столу, Аксель, и пиши, что я буду диктовать! Смотри: у меня не ошибаться! Я буду тебе диктовать буквы латинской азбуки, соответствующие буквам исландским... Ну!

Он начал диктовать, а я усердно принялся писать, и скоро настроил три столбца следующих, непонятных мне, слов:

шелк. А главное, Гретхен была умница, любила учиться и много знала.

Я вспоминал, как мы вместе учились, как ходили гулять вместе, как катались по Эльбе в лодке, когда вдруг дядюшка вскрикнул:

— Аксель! пиши! Я диктую! Ну! Попробуем брать первую букву каждого слова! Ну!

Написали и вышло вот что:

Mmessunka Seng A. icef do K. segnittamurtu ecertserrette, rotaissadua, ednee sedsadne lacartniilu Isiratrac Sarbmutabilemdmek meretarcsi luce Isleffen Sn 1.

Дядюшка поглядел раз, поглядел другой и так неистово хватил кулаком по столу, что чернила разлились и перья разлетелись, как птицы, в разные стороны.

— Бессмыслица! — яростно вскрикнул профессор. — Это не то! Это...

И вдруг стремглав кинулся вон из дому.

IV

— Ушел? — вскрикнула Марта, вбегая в столовую.

— Ушел, — отвечал я.

— А обед то?

— Значит обедать не будет.

— А ужинать?

— Верно не будет и ужинать.

— Да как же это? — проговорила растерявшаяся старушка.

— Дядюшка сказал: «до тех пор не возьму куска в рот, пока не разберу этой книжки», а книжку то эту разобрать невозможно!

— Господи! Что ж это, с голоду придется помирять, что ли!

— Что будете делать с дядюшкой! Ведь вы сами знаете, каков он!

Марта покачала головой, вздохнула и удалилась в кухню.

— Однако куда ж это устремился дядюшка? — подумал я. Скоро ли он вернется? И какой вернется? Торжествующий или беснующийся?

Дядюшка не приходил. Я справил кое-какие свои работы, потом уселся в кресло и закурил трубку.

Передо мной на столике лежали продиктованные мне слова. Я машинально взял исписанный листок и стал его рассматривать.

Мало-помалу я увлекся и уже с жаром и волнением старался добиться скрытого смысла.

Но я понапрасну ломал себе голову и мучился несколько часов сряду — ничего не выходило.

Кровь прилила к голове, в глазах у меня запрыгали искры, грудь стеснилась. Я поднялся с кресла и стал обмахиваться исписанным листком, так что листок показывался мне обими сторонами, и той, где написаны были слова, и другой, оборотной...

Представьте вы себе мое изумление, когда листок вдруг повернулся ко мне оборотной стороной и я прочел совершенно ясно латинские слова «eaterem» и «terrestre»!

Я открыл закон этих шифр! Открыл!

Читать этот документ можно было не только через листок, повернутый буквами к свету, а и так, как он мне продиктован был дядюшкой, следовало только брать каждое слово с конца к началу!

Я разложил листок на столе, жадно пробежал его глазами. Сердце у меня стучало, как молоток...

Я прочел...

Прочел и ужаснулся. Несколько мгновений я стоял, как каменный.

Неужели человек дерзнул совершить подобное путешествие? Неужели кто-нибудь проник?...

— Ну, как дядюшка узнает? — вскрикнул я, несколько опомнившись. Он, чего доброго, тоже пожелает туда отправиться! Нет, нет, я ему ни за что на свете не скажу! Он пожалуй и меня с собой потащит! А как он сам откроет секрет? Уж не бросить ли эти дьявольские бумаги в камин?

Я схватил манускрипт и документ и уже замахнулся, чтобы пустить их прямо в огонь, как вдруг дверь распахнулась и явился дядюшка.

V

Я поскорей сунул злосчастные бумаги на стол.

Профессор Лиденброк казался очень задумчив. Его очевидно совершенно поглощала какая-то мысль. Он, вероятно, и убежал из дому для того, чтобы на свободе получше все сообразить и обдумать.

Он сел в кресло, взял перо и принялся за какие-то алгебраические вычисления. Он работал битых три часа, не поднимая головы. Он не слышал, как вошла Марта, не слышал, как она сказала ему:

— Г. профессор будет ужинать?

Марта постояла, покачала головой и ушла.

Дядюшка вычислял целый вечер. Я все ждал, что вот-вот он кончит, и в этом ожидании уснул, сидя на кушетке.

Проснувшись на другой день, я увидел, что дядюшка все еще сидит за вычислениями. Он был бледен, как платок, глаза у него покраснели, волосы растрепались. Мне стало жаль его. Я уже готов был открыть ему секрет, только меня удерживала мысль, что я этим погублю и его, и себя.

— Нет, нет! — думал я, не надо ему открывать этого! Нет, Боже сохрани! Он непременно захочет тоже туда отправиться. Я ведь его знаю: его ничем не удержать! Нет, я не скажу! Отгадает сам — ну, тогда делать нечего! Тогда, по крайней мере, я не буду себя упрекать, что я подвел его под беду!

Порешив таким образом, я скрестил руки на груди и опять стал ждать, скоро ли dokonчатся вычисления.

Марта между тем хотела отправиться, по обыкновению, на базар, за провизией, но оказалось, что дверь на улицу заперта и что ключ из замка вынут.

Очевидно, это дядюшка замкнул нас, когда воротился накануне с прогулки.

Что это могло значить? Запер он дверь нечаянно, или с умыслом?

Марта была огорчена почти так же, как и я, но спрашивать ключа мы не осмелились.

Настало время завтрака. Настало и прошло!

Дядюшка все вычислял!

К двум часам голод до того начал меня терзать, что я стал подумывать, не открыть ли дядюшке зловещий секрет. Может быть документ окажется просто мистификацией, которую дядюшка же мне и объяснит.

Я еще колебался, как вдруг вижу, что дядюшка встает, берет шляпу и собирается уходить.

Неужто он опять пас запрет? Нет, уж это чересчур!

— Дядюшка! — сказал я.

Он не слышал.

— Дядюшка Лиденброк! — сказал я громче.

— А? Что такое? — спросил он, словно я его разбудил.

— Да вот... ключ...

— Какой ключ? От двери?

— Да нет! Ключ к документу!

Профессор поглядел на меня и, заметив вероятно по моему виду, что я знаю что-то необыкновенно важное, схватил меня за руку и сжал ее, как в тисках.

— Ну? Ну? — проговорил он наконец, задыхаясь.

— Да, да... ключ... случайно...

— Да говори же! говори же!

— Вот, возьмите... смотрите... читайте...

Я подал ему исписанный листок.

— Это ведь бессмыслица! — вскрикнул он и скомкал листок.

— Читайте не с начала, а с конца... читайте...

Я не окончил фразы. Профессор Лиденброк испустил крик, — не крик, а вернее сказать рев.

— О, великий Сакнуссем! О, великий Сакнуссем! — бормотал он, разглаживая листок дрожащими руками. Надо перечсть хорошенько, надо перечсть поосновательней...

Представляю здесь подлинные слова документа:

In Sneffels Yoculis craterem kem delibat umbra Seartaris Iulii intra calendas descende, audas viator, et terrestre centrum attinges. Kod feci. Ame Saknus- semm.

Перевод этой плохой латыни вот какой:

Сйди в кратер Йюкула Снефельса, который тень Скартариса ласкает пред июльскими календами, отважный путешественник, и ты проникнет до центра земли. Я это сделал. Арн Сакнуссем.

Прочитав это «хорошенько», дядюшка так подпрыгнул, как будто нечаянно прикоснулся к лейденской банке.

Он себя не помнил от восхищения. Он кидался во все стороны, как угорелый, он хватал себя обеими руками за голову, перевортывал кресла, ливырял стулья, разбрасывал книги, минералы — одним словом, он был вне себя.

Наконец, умаявшись, он упал в кресло.

— Который час? — спросил после нескольких минут молчания.

— Три часа, — отвечал я.

— Вот тебе на! Где ж обед? Я умираю с голоду. Скорей давайте есть! А потом...

— Что потом?

- Потом ты уложишь мой чемодан.
- Что? — вскрикнул я.
- И твой тоже уложишь, — добавил безжалостный профессор, направляясь в столовую.

VI

Меня от этих слов подрал мороз по коже, но я сохранил наружное хладнокровие. Я понял, что только научные доказательства могли остановить дядюшку; доказательства такие были, и я приберег их на после обеда.

Путешествие к центру земли! Да это такая дикая мысль, которую вероятно и дядюшка серьезно не задумает привести в исполнение. Он поговорит, покричит, побеснуется и тем дело и кончится...

Увидав, что стол не накрыт, дядюшка разразился криком и бранью, которые еще удивились, когда он узнал, что даже провизии в доме не имеется.

Наконец он поутих, отдал ключ от двери, и Марта побежала на базар.

Час спустя мы уже были сыты.

Во время обеда дядюшка был очень весел, шутил, смеялся и отпускал разные ученые невинные острооты.

Окончив обед, он сделал мне знак следовать за ним в кабинет.

Я повиновался. Он сел у рабочего стола, а я около него.

— Аксель, — сказал он ласковым голосом, — ты оказал мне большую услугу; услугу, которую я никогда не забуду... Я уже отчаивался, я уже хотел все бросить... Ты умный мальчик, Аксель, ты молодец! Я никогда не забуду этого и поделюсь с тобой славой...

— Теперь ты в хорошем расположении духа, — подумал я, — и теперь самое время подсесть тебе крылья!

— Только, знаешь, первое условие успеха — это тайна. Сохрани тебя Бог проболтаться! У меня ведь немало завистников в ученом мире. Многие, разумеется, очень не прочь бы воспользоваться этим открытием!

— Вы полагаете?

— Разумеется я полагаю! Кто ж, скажи на милость, не захочет славы? Опубликуй только этот драгоценный документ и целый полк геологов устремится по следам Арна Сакнуссема!

— Не думаю, дядюшка. Во-первых, как поручиться за подлинность документа?

— Что тут за ручательства! Мы его нашли в таком манускрипте...

— Хорошо. Положим, Сакнуссем действительно написал эти строки, но из этого еще не следует, что он совершил самое путешествие... Это, очень может статься, просто на просто одна мистификация.

Дядюшка было наморщил брови и я уже ожидал бури, но вдруг он прояснился и, улыбаясь, ответил:

— Увидим, увидим!

— Однако, дядюшка... позвольте мне сделать кое-какие возражения.

— Возражай, мой милый, возражай. Даю тебе полную свободу возражать. Ведь ты теперь уж не племянник мне, а товарищ. Говори, говори!

— Позвольте вас спросить, дядюшка, что это такое Иокул, Снеффельс и Скартарис? Я о них отроду не слыхивал.

— Сейчас тебе объясню. Я как нарочно недавно получил карту от приятеля, — от Августа Петермана из Лейпцига. Вон она там, под литерою Z. Поддай-ка ее сюда!

Я достал с полки означенную карту.

— Смотри! Это лучшая карта Исландии. В ней мы все найдем.

Я наклонился вместе с ним над столом и стал разглядывать.

— Видишь ты вот этот остров? — продолжал дядюшка. — Он весь состоит из вулканов и все эти вулканы окрещены одним именем Иокул — по-исландски значит ледник. Ведь ты знаешь, что под тою широтою, где лежит Исландия, большая часть извержений прорывается через слои снега. Поэтому и все огнедышащие горы окрещены там одним именем Иокул.

— А что такое Снеффельс?

Я надеялся, что на этот вопрос ответа не получу, но я ошибся.

— А вот, погляди-ка на западный берег Исландии. Видишь ты Рейкиавик? Рейкиавик, это ее столица. Видишь? Ну, и отлично! Подвигайся теперь вот сюда, за эти бесчисленные фиорды, которыми море изрезало берега, — видишь? Стой! Видишь, вот около 65° широты, видишь?

— Вижу что-то в роде полуострова, а на нем гора выдается в море.

— Отлично! Это и есть Снеффельс.

— Снеффельс?

— Он самый, мой друг, он самый. Это гора в 5,000 ф. высоты и считается одной из самых

замечательных на острове. Скоро она будет считаться одной из самых замечательнейших на целом земном шаре.

— Почему?

— А если кратер-то ее достигает до центра земли!

— Да ведь это невозможно, дядюшка!

— Невозможно? Отчего ж это невозможно, позволь спросить?

— Не сердитесь, дядюшка, но... но ведь кратер этот завален лавою, раскаленными скалами и...

— А если кратер этот потухший?

— Потухший?

— Да, да, потухший! В настоящее время число действующих на земном шаре вулканов доходит до трехсот, но число потухших несравненно больше. Снеффельс принадлежит к последним. В исторические времена он порадовал ученых только одним извержением, именно в 1219 году. С тех пор деятельность его все слабела и слабела... Он давно уже совершенно погас.

— А что значит слово Скартарис, дядюшка? И зачем тут помянуты июльские календы?

— Тебе это кажется непонятным, темным, да? А ведь на деле-то оно совершенно ясно и только доказывает до какой степени точно Сакнуссем обозначил свое великое открытие... Да, да! На Снеффельсе несколько кратеров, значит надо было поименовать, который ведет к центру земли. О, великий исландский ученый! О, остроумнейший из смертных! Он заметил, что при приближении июльских календ, то есть около последних чисел июля, одна из многочисленных вершин горы бросила свою тень до отверстия кратера, который ведет к центру земли. Это вершина — Скартарис. Признаться, что удачнее, остроумнее этого придумать невозможно. Только бы нам добраться до вершины Снеффельса, а уж оттуда до центра земли как рукой подать!

У дядюшки на все был готов ответ! Я понял, что всякое непонятное слово он не задумается объяснить по-своему.

Я поднялся на хитрости: я прибеж к научным опровержениям.

— Да, — сказала я, — приходится согласиться, что обозначения Сакнуссема очень ясны и не оставляют ни малейшего сомнения. Я даже не спорю на счет подлинности документа... Этот великий ученый спуускался в кратер Снеффельса, видел тень, ласкающую края этого кратера пред июльскими календами... Все это так, но...

— Что «но»?

— Этот кратер...

— Достигает до центра земли, милостивый государь!

— Может быть и достигает, только проникнуть-то до этого центра никто не проник... Сакнуссем наслушался, вероятно, разных местных легенд... Он не мог предпринять подобного путешествия, нет! А если бы предпринял, так уж не воротился бы и некому бы было писать документ!

— Это почему ж ему бы не воротиться? — насмешливо спросил дядюшка.

— Да все научные теории показывают невозможность подобного путешествия!

— Все научные теории? Скажите, пожалуйста! Все научные теории! Ахти! какая беда!

— Вы насмехаетесь, дядюшка, а ведь первостепенные геологи принимают, что температура земного шара, по мере углубления внутрь, на каждые сто футов увеличивается на один градус. Земной радиус равняется почти что 21,000,000 футам. Допуская пропорциональное увеличение температуры, мы, значит, получим температуру... температуру, превосходящую двести тысяч градусов! При подобной температуре внутренность земного шара, значит, находится в парообразном состоянии, потому что ни один металл, ни золото, ни платина, ни даже самые твердые горно-каменные породы ни могут противостоят такому страшному жару! Ну, как же, желал бы я знать, проникнете вы в этот ад?

— Так ты боишься жару, Аксель, а?

— Разумеется боюсь, дядюшка! Если мы проберемся на глубину десяти только лье, так уж и то очутимся в такой температуре, что вода кипит!

— Ты боишься свариться, Аксель, а?

— Я вам предоставляю, дядюшка, решить этот вопрос!

— Я решил. Слушай: ни ты, ни поучение тебя, никто не знает достоверно, что творится во внутренности земного шара. Ведь до сих пор людям удалось проникнуть в глубь земли менее чем на мили под поверхностью моря! Помни, что наука идет вперед и что одна теория заменяется другою! Разве не полагали до Фурье, что температура планетных пространств постепенно уменьшается? А вот теперь дознано, что самые большие холода в области эфира не превосходят 40° или 50° ниже нуля! Почему ж ты не хочешь допустить, что и относительно внутреннего жара земли не может быть промахов? Почему ты не хочешь допустить, что на известной глубине ты достигнешь до предела, дальше которого жар уже не увеличивается? Почему?

Я молчал.

— Ученые, настоящие ученые, — продолжал дядюшка, — и между ними Пуасон, доказывали, что при существовании необычайно высокой температуры внутри земного шара, расплавленная масса приобрела бы такую упругость, что земная кора не выдержала бы и лопнула. Да, лопнула, как лопается паровой котел от давления пара на стенки!

— Это мнение Пуасона, дядюшка, и только... Конечно, Пуасон замечательный ученый, но...

— Постой, постой! Заметь себе: не один Пуасон держится этого мнения! Многие, — слышишь? многие геологи полагают, что внутренность земного шара не может состоять ни из газа, ни из воды, ни из самых тяжелых камней, которые нам известны, потому что в таком случае земля имела бы вдвое меньший вес.

— О, цифрами можно все доказать, что только пожелаешь!

— А фактами нельзя, а? Разве неизвестно теперь всякому, что число вулканов значительно уменьшилось? Из этого факта можно, мне кажется, безошибочно вывести, что если и есть внутренний жар в земле, то жар этот уменьшается.

— Дядюшка! как же я могу с вами спорить, когда вы говорите все одни только предположения!

— Предположения! Да ведь на моей стороне люди компетентные! Помнишь мое свидание с знаменитым английским химиком Гомфри Деви? Помнишь, он посетил меня в 1825 году?

— Не помню, дядюшка, и по очень резонной причине: я явился на свет девятнадцать лет спустя после этого посещения.

— Да, да! Ну, так Гомфри Деви посетил меня проездом в Гамбург. Мы давно толковали с ним о разных научных вопросах, в том числе и о теории, допускающей расплавлено жидкое состояние внутреннего шара. Мы долго обсуждали и оба пришли к тому, что подобной вещи не может быть. Мы решили это не наобум, разумеется, а представили такие доводы, которых наука не опровергнет!

— Какие же это доводы, дядюшка?

— А вот какие доводы: эта расплавлено жидкая масса подвергалась бы притяжению луны и следственно внутри земного шара бывали бы ежедневно по два раза приливы и отливы, которые бы вздымали земную кору и тем производили бы периодические землетрясения.

— Но ведь очевидно, что земля сначала была в огненно-жидком состоянии? Значит можно допустить, что хотя наружная ее оболочка охладела, внутри все еще существует очень высокая температура.

— Заблуждение, заблуждение! — перебил дядюшка. — Возгорение земли совершилось с поверхности, а не изнутри! Поверхность земная состояла из огромного количества таких металлов, как например потасий, содий, которые, как известно тебе, воспламеняются при первом соприкосновении с водою и воздухом. Когда атмосферные пары полились в виде дождя, на землю, помянутые выше металлы воспламенились, а затем, по мере того, как вода проникала в трещины земной коры, происходило новое возгорение с взрывами и извержениями. Поэтому-то в первоначальные времена и было такое множество вулканов.

— Вот замысловатая теория, так замысловатая! — сказал я.

— Гомфри Деви доказал мне ее очень простым опытом. Он составил шар из тех металлов, о которых я тебе упоминал, то есть из воспламеняемых, стал брызгать в этот шар мелким дождем и поверхность вздувалась, окислялась и образовывалась горка, на вершине этой горки открывался кратер, а затем начиналось извержение, которое сообщало шару такую теплоту, что его невозможно было держать в руках. Вопрос о состоянии внутренности земного шара подал повод ко множеству предположений, но пока еще очень мало, что доказано положительно. Я так думаю, что этот внутренний жар одна фантазия... Впрочем увидим! Мы, как Арн Сакнуссем, узнаем это достоверно!

— Увидим! — сказал я, тоже невольно увлекаясь. — Увидим, если только там возможно что-нибудь увидеть.

— Отчего ж нельзя? Мы можем рассчитывать на электрические явления, которые будут нам освещать путь и даже на атмосферу, которая при сильном давлении может, по мере приближения к центру, сделаться светящеюся.

— Да, да, — сказал я. — кто знает? Может быть, вы и правы! Может быть оно так и есть!

— Нет ни малейшего сомнения! Ни малейшего! Но... но молчание! Глубокое молчание — понимаешь? Иначе того и гляди кто-нибудь ухватится за эту мысль и прежде нас достигнет центра земли!

VII

Этим закончилась наша беседа. Я вышел из дядюшкина кабинета и, желая сколько-нибудь собраться с мыслями, отправился погулять по берегу Эльбы.

Меня начинало манить это фантастическое происшествие, хотя вместе с тем мороз подирал по коже при одной мысли очутиться в недрах земли, где мы могли бесследно погибнуть мучительную, страшную смертью.

Впрочем, мало-помалу я успокоился и стал обсуждать дело трезвее.

— Нет, это невозможно! — решил я наконец. Дядюшка поговорит и уйдет!

Я повернул к городу по эльтонской дороге.

— Если бы встретить Гретхен! — подумал я.

И я ее встретил. Я скоро увидел ее, как она легко и бодро шла к Гамбургу.

— Гретхен! — крикнул я ей издали, — Гретхен!

Она вздрогнула и остановилась. Я кинулся бежать и в минуту был уже около нее.

— Аксель! — вскрикнула она. — Ты вышел мне навстречу! Вот это хорошо! Да что с тобой? Чем ты расстроен? Чем, скажи!

Я ей рассказал в чем дело.

Несколько минут она молчала, наконец проговорила:

— Аксель!

— Что, милая?

— Это будет удивительное путешествие!

Я так и подпрыгнул.

— Да, Аксель, удивительное! Я очень люблю, когда люди предпринимают что-нибудь трудное, великое...

— Так ты за путешествие к центру земли?

— Да, Аксель! Я бы сама с радостью с вами отправилась, если бы вы меня взяли.

— В самом деле? Ты не шутишь?

— Я говорю серьезно.

— Посмотрим еще, что ты завтра решишь!

— И завтра тоже, что сегодня, Аксель.

Мы оба замолчали.

— Впрочем, думал я, — идя рядом с задумавшейся девушкой, — июльские календы еще далеко! До тех пор дядюшка десять раз может образумиться!

Когда мы подошли к дому, уже совсем свечерело. Кругом все утихло.

Но у нас дядюшка поднял, как говорится, дым коромыслом. Он кричал и метался около рабочих, которые выгружали из тележки какие-то вещи.

— Что это вы выгружаете, дядюшка? — спросил я.

— Аксель! где ты пропадал? Ты ведь еще не уложился в дорогу, несчастный! Мои бумаги разбросаны по всем углам! От дорожного мешка не находим ключа!

— Дядюшка! да разве мы уже отправляемся?

— Разумеется отправляемся! Отправляемся послезавтра чем свет!

Меня это так поразило, что я поскорей убрался в свою коморку.

Кончено! Мы отправляемся!

Дядюшка уже запасся всем необходимым для путешествия: веревочные лестницы, узловатые веревки, факелы, тыквенные бутылки, железные крюки, палки с железными наконечниками, заступы, молотки были навалены повсюду.

Не могу похвалиться, чтобы я провел спокойно ночь.

Только что я начал перед светом забываться, как услышал знакомый и дорогой мне ласковый голос:

— Аксель! Аксель!

Меня звала Гретхен.

Я поспешно оделся и вышел к ней.

Я был очень измучен и надеялся, что это произведет на нее впечатление и заставит ее переменить мысль на счет путешествия, но она поглядела на меня и сказала:

— Как я рада, милый Аксель, что ты успокоился и оправился.

— Успокоился и оправился! — вскрикнул я.

— Аксель, — продолжала она, — я долго говорила с крестным. Какой он смелый человек! Он мне рассказал свои мысли. Я наперед уверена, что все отлично ему удастся. Ах, Аксель! хорошо это, когда люди ничего не жалеют для науки!

— Твоя правда, милая, — ответил я. — Пойдем к дядюшке.

— Так решено, дядюшка, — спросил я, — мы отправляемся?

— А ты еще сомневался?

— Нет... но к чему так спешить?

— Как к чему спешить? Время-то ведь не стоит, мой дрожайший! Время летит!

— Да, у нас всего только 26 мая сегодня! До конца июня еще далеко.

— Так ты воображаешь, простота ты этакая, что добраться в Исландию легкое дело? Из Копенгагена в

Рейкиавик можно отправиться только раз в месяц, 22-го числа.

— Так что ж?

— А то, что если мы станем ожидать 22-го июня, мы опоздаем! Мы явимся на место, когда уже «тень Скартарииса» перестанет «ласкать кратер Sneffelfelsa». Теперь понял, что мы должны торопиться в Копенгаген? Иди, укладывайся! Да живо!

Рассуждать было уже нечего. Я пошел укладываться.

Гретхен стала мне помогать.

Ее маленькие ручки проворно и ловко работали; она разговаривала со мною очень спокойно и все восхищалась нашим путешествием.

Целый день дядюшке приносили разные физические инструменты, оружие, электрические аппараты и проч.

Марта не без ужаса глядела на все эти приготовления.

— Ох, царица небесная! — вздыхала она, — уж не сбрендил ли г. профессор! Г. Аксель! скажите вы мне, он в своем уме?

Я покачал головою.

— И вас ведет с собой?

— Ведет.

— Да куда ж это?

Я указал пальцем на землю.

— В погреб? — вскрикнула Марта.

— Нет, поглубже!

Наступил вечер.

— Ну, до завтра, сказал дядюшка, — Иди спать. Завтра мы отправляемся в шесть часов утра. В шесть ровно!

Я повалился на постель, уснул как убитый и целехонькую ночь видел самые ужаснейшие сны. Я падал в бездонные пропасти, я кипел, я расплавлялся...

В пять часов я проснулся и скоро вышел в столовую. Дядюшка сидел за столом и пожирал завтрак. Я поглядел на него с завистью.

Гретхен тоже была тут.

Я ничего не сказал. Я было принялся за завтрак, он у меня стал в горле.

В половине шестого послышался стук колес. Подъехал экипаж и скоро был нагружен нашими вещами.

— Аксель! — крикнул дядюшка, — что ж ты стоишь? Ведь мы опоздаем на поезд!

Гретхен подошла к нему и простилась.

— Прощай, Гретхен! — крикнул я.

— Прощай, милый Аксель! — ответила она, — прощай!

Мы обнялись, я вскочил в экипаж и лошади быстро помчали нас на альтонскую железную дорогу.

VIII

Минут через двадцать мы уже были на Голштинской территории, а в половине седьмого экипаж наш остановился у станции железной дороги. Все дядюшкины тюки были выгружены, свешены, наклеены ярлыками и свалены в багажный вагон. Пар засвистал и поезд двинулся.

В вагоне были только мы с дядюшкой. Дядюшка не говорил ни слова, а только проворно осматривал и ощупывал захваченные с собой мешки.

Видно было, что он всем запасся!

Между разными бумагами, которые он вытаскивал, я заметил письмо датского консула, г. Христиензена, дядюшкиного приятеля. Письмо это было важно: оно могло доставить нам рекомендацию к губернатору Исландии.

Я заметил тоже и знаменитый документ, который дядюшка бережно перепрятывал из одного секретного кармана в другой.

— Проклятый документ! — подумал я, глядя со вздохом в окно.

Местность была не веселая, не интересная: все равнины, да равнины, однообразные, хотя довольно плодосные, чрезвычайно удобные для проложения железных дорог.

Впрочем однообразие это не успело мне прискучить: через три часа поезд остановился в Киле, в двух шагах от моря.

Дядюшка впопыхах так отлично рассчитал время, что на деле нам привелось ждать здесь целых девять часов, пароход отходил только ночью.

В продолжении этих девяти часов дядюшка не находил себе нигде места, кипятился, бесился и посылал

«ко всем чертям» все пароходные сообщения и компании.

Он пошел было к капитану и начал с ним довольно бурное объяснение, но капитан хладнокровно разделался с ним общими фразами.

Я предложил пойти погулять. Дядюшка послал «ко всем чертям» и все гулянья, однако согласился.

Мы долго бродили по зеленому берегу залива, при котором расположен Киль. Это городок небольшой и весь в лесу, что придает ему вид гнезда, ютившегося среди ветвей. Мы видели тут прехорошенькие виллы; при каждой вилле домик с холодными ваннами.

Любуясь Килем и посылая «ко всем чертям» мореходные компании, мы дождались наконец десяти часов вечера.

В четверть одиннадцатого мы уже отплывали на пароходе «Элленора».

Ночь была темная, дул довольно сильный ветер. Во мраке блеснули какие-то прибрежные огоньки, потом исчезли.

В семь часов утра мы прибыли в маленький городок Корзер, пересели тут опять на железную дорогу и понеслись в Копенгаген.

Дядюшка не смыкал глаз целехонькую ночь. Нетерпенье просто его жгло. Он толкал ногами в стенки вагона, как будто хотел так его сунуть, чтобы сразу очутиться в Копенгагене.

Наконец блеснула полоса воды.

— Зунд! — вскрикнул дядюшка.

Слева виднелось огромное каменное здание.

— Это дом умалишенных, — сказал один из наших спутников.

— Вот где наше место! — подумал я. — Вот оно где!

Наконец в десять часов утра мы приехали в Копенгаген и остановились в гостинице Феникс.

Дядюшка наскоро переоделся, спросил у слуги, где музей северных древностей, побегал туда и потащил меня за собою.

Директором музея был ученый, приятель гамбургского консула, г. Томсен, к которому дядюшка привез рекомендательное письмо.

Г. Томсен принял нас очень любезно. Узнав, что мы желаем посетить Исландию в качестве путешественников (разумеется, дядюшка и не заикнулся о центре земли), он тотчас же предложил нам свои услуги, и мы вместе отправились разузнавать, не идет ли какое судно в Исландию.

Я надеялся: авось не идет, но надежды мои не сбылись. Маленькое датское судно «Валькирия» отправлялось 2-го июня в Рейкьявик.

Дядюшка был в восторге и тотчас же условился с капитаном.

— Во вторник, в семь часов утра, будьте на борте, — сказал нам капитан.

Мы поблагодарили г. Томсена и возвратились в гостиницу «Феникс».

— Отлично! отлично! — повторял дядюшка. — Все идет, как по маслу! Какое счастье, что мы напали как раз на это датское суденышко! Отлично! Ну, теперь давай завтракать, а потом марш осматривать город!

Я с большим удовольствием побродил по городу. Дядюшка был так занят центром земли, что почти ничего не видал. Он рассеянно оглядел королевский дворец, хорошенький мост через канал, могилу знаменитого Торвальдсена, парк, розенборгский замок, здание биржи, и проч. и даже не сказал ни слова.

Впрочем дядюшка таки встретился при виде высокой башни; с платформы этой башни поднимался высокий шпиг с витой лестницей вокруг.

— Каков шпиг! — вскрикнул дядюшка. — Пойдем-ка взберемся туда!

И он повлек меня к башне.

— Дядюшка! а головокружение?

— Что за головокружение! Нашел причину! Из-за головокружения-то и надо взобраться!

— Не понимаю...

— А очень понятно: надо взобраться, чтобы к нему привыкнуть!

— Но...

— Иди, иди! Нечего тут рассуждать!

Я последовал за неумолимым профессором.

Пока мы поднимались внутри башни, все было благополучно, но когда мы добрались до площадки, когда свежий воздух пахнул мне в лицо и я глянул на наружную лестницу с плохими перильцами, я весь поledenел.

— Дядюшка, я не могу! — крикнул я.

— Лезь, лезь! Без рассуждений! — отвечал дядюшка, принимаясь карабкаться по хрупкой витушке.

Он карабкался легко, но я за ним сначала тащился на четвереньках, а потом просто-напросто пополз на животе. Я закрыл глаза... мне делалось дурно...

Наконец дядюшка схватил меня за шиворот и достиг купола.

— Гляди! — сказал он, — гляди хорошенько! Надо привыкать глядеть в бездну! Гляди, гляди!

Под нами в тумане чуть виднелись, словно раздавленные, расплюснутые, городские дома. Над головами нашими проходили расстрепанные обрывки облаков. Вследствие оптического обмана, облака эти представлялись мне неподвижными, между тем как башня, купол, я, дядюшка — все это несло с фантастической быстротой. Вдали, с одной стороны расстилалась зеленеющая деревня, с другой сверкало море; там и сям мелькали паруса, как белые крылья чайки, а далеко-далеко, едва обрисовывались и чуть темнели берега Швеции. Все это вертелось у меня в глазах...

Однако надобно было стоять прямо и глядеть. Мой «первый урок головокружения» продолжался целый час. Когда наконец мне было дозволено спуститься и я коснулся ногами мостовой, я почувствовал себя совершенно разбитым.

— Завтра мы повторим, — сказал мне дядюшка.

И точно мы «повторили». И повторили не раз. В продолжение пяти дней я, волей-неволей, должен был карабкаться на башню. Дорого мне это стоило, но я сделал значительные успехи в науке безбоязненно смотреть с высоты в бездну.

IX

Настал наконец день отъезда.

Накануне обязательный г. Томсен снабдил нас рекомендательными письмами к губернатору Исландии, г. Пикторсону, к епископу, и к г. Фиизену, рейкиавицкому градоначальнику.

2-го числа, в шесть часов утра, наш драгоценный багаж был уже сдан на «Валькирию».

Сами мы поместились не особенно уютно: каюты наши походили на душные, тесные ящики.

— Ну что, какова погода? — спросил дядюшка у капитана. — Попутный ветер?

— Попутный, — ответил ему капитан. — Мы лихо поплывем!

И мы поплыли. Час спустя столица Дании словно утопала в волнах.

Мне припомнился шекспировский Гамлет, и я пристально стал вглядываться, словно ожидал, не покажется ли около замка датских королей тень этого принца.

Но тень не показалась и скоро замок Кронборг и Гельзинборгская башня скрылись в тумане.

Наше суденышко вошло в Каттегат.

Суденышко это везло в Рейкиавик уголь, разную хозяйственную утварь, посуду, теплую одежду и хлебное зерно. Весь его экипаж состоял из пяти человек чистокровных датчан.

— Как долгод переезд? — спросил дядюшка у капитана.

— Деньков десять проплываем, — отвечал ему капитан. — Разумеется, если только ветер будет попутный.

— А вам случается иногда запаздывать? И очень вы запаздываете?

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь: авось приедем во время! — сказал капитан.

Переезд был благополучный. Я почти не страдал морской болезнью, но дядюшка, к его величайшему огорчению и смущению, все время находился в самом жалком положении, что помешало ему осажать капитана нетерпеливыми расспросами о Снеффельсе, о способе передвижения по Исландии и проч. Усмиренный качкой, профессор Лиденброк лежал ниц в своей каюте и только тихо стонал.

Наконец, 13-го числа мы вступили в Факсифиорд, в залив, при котором расположен Рейкиавик.

Дядюшка вышел из каюты бледный, слабый, но очень довольный. Глаза у него так и бегали.

Рейкиавицкое население толпилось на берегу. Прибытие судна видимо всех очень интересовало.

Мы сходили с своей «пловучей темницы», по выражению дядюшки, как вдруг он схватил меня за руку, увлек меня назад, на нос судна и указал на северную часть залива. Я увидел там высокую гору, с двойным конусом и покрытую снегом.

— Снеффельс! Снеффельс! — крикнул дядюшка с восторгом.

Затем, как бы спохватившись, сделал мне знак молчать и направился к лодке, которая уже нас ожидала.

Как только мы очутились на берегу, первым нашим делом было пустить в ход рекомендательные письма.

Фридриксон, профессор естественных наук в рейкиавицкой школе, принял нас очень радушно. Этот ученый говорил только по-исландски и по-латыни. Он сказал мне несколько приветствий, на языке великого Гомера, а я ответил ему, как сумел лучше, приправляя свои ответы улыбками и выразительными взглядами.

Это был единственный человек, с которым я мог сколько-нибудь объясняться.

Жил он очень скромно в трех комнатках, из которых мы заняли две.

Количество нашего багажа, по-видимому, не мало удивляло рейкиавицких жителей.

— Ну, Аксель, — сказал мне дядюшка, — дело идет отлично! Самое трудное мы уже перешли!